

Популярные русские люди. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Популярные русские люди. Николай Семенович Лесков

I. ГРАФ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ МИЛОРАДОВИЧ

Биографический очерк

В октябрьской книжке «Военного сборника» напечатаны собранные г. Семевским весьма интересные материалы для биографии графа Милорадовича. Заимствуем из них самые рельефные черты, определяющие нравственную и интеллектуальную физиономию этого популярного русского человека. За сим вслед поставим другой такой же очерк, представляющий Алексея Петровича Ермолова.

Все Милорадовичи по происхождению своему сербы. Они водворились в Южной России в начале прошлого столетия. Отец Михаила Андреевича Милорадовича ознаменовал себя заслугами в войнах с турками в царствование императрицы Екатерины II и умер в чине генерал-поручика, занимая тогда весьма важный, но ныне уже не существующий, пост наместника Малороссии. Сын его, герой Михаил Андреевич, родился в 1770 году. По обычаю того времени, он,

Как богатых бар потомок,
Был сержантом из пеленок.

В 1780 году, имея от роду десять лет, он был уже подпрапорщиком в лейб-гвардии Измайловском полку, любимом полку императрицы Екатерины II (при вступлении ее на престол измайловцы были первыми сторонниками ее права). Высокое положение, которое занимал отец Милорадовича, малороссийский наместник, его обширные связи, дружба с Суворовым и Кутузовым, разумеется, обеспечивали сыну хорошую карьеру.

Образование Милорадовича было самое поверхностное, несмотря на то, что юные годы свои он провел за границей и учился сначала в Кенигсбергском университете, а потом в Геттингене, в Страсбурге и в Метце. В последнем городе он изучал военные науки. Проведя несколько лет за границей, Милорадович даже не усвоил себе там основательного знания иностранных языков и по-французски во всю жизнь говорил с самыми грубыми и забавными ошибками.

Возвратясь в Россию, Михаил Милорадович имел большой успех в обществе в качестве красивого, ловкого танцора и веселого и остроумного собеседника. Общество наше тогда было очень нетребовательно. Да если припомним Онегина, то и в позднейшие времена у нас

Кто по-французски совершенно
Мог изъясняться и писать,
Слегка мазурку танцевать
И кланяться непринужденно,
То про такого свет решил,
Что он умен и очень мил –
следовательно, понятно, что милое невежество молодого графа нисколько не помешало ему в свете.

На службе ему тоже повезло: чины быстро сыпались на него один за другим, и в 1796 году он уже был капитаном. Находясь еще в первых обер-офицерских чинах, Милорадович участвовал в двухлетней войне с Швецией.

Когда после Екатерины II на престол вступил император Павел, то исполнительность и расторопность Милорадовича на разводах и экзерцициях, которые, как известно, страстно любил этот государь, быстро обратили на него внимание императора. В 1797 году Павел произвел Милорадовича в полковники, а менее чем через год – в генерал-майоры, и назначил шефом Апшеронского мушкетерского полка. Таким образом, выходит, Михаил Андреевич Милорадович был генералом, имея всего двадцать семь лет. Вверенный Милорадовичу полк вошел в отряде генерала Розенберга в состав армии, предводимой Суворовым. 18 октября 1798 года армия эта перешла границу и направилась в Италию для борьбы с французами.

Популярные русские люди. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
14 апреля 1799 года при селении Лекко последовал кровавый бой, в котором Милорадович обнаружил необычайную находчивость, быстроту и храбрость – отличительные свойства его дарований, развившихся еще сильнее в школе гениального Суворова. Суворов любил Милорадовича и назначил его дежурным генералом, иначе сказать – сделал его приближенным к себе человеком, и не упускал случая предоставлять ему возможность отличиться на поле ратном.

Между прочим, в сражении при Лекко Милорадович привез гренадерский батальон своего полка на подводах и быстрою атакою вырвал у французов победу. В сражении при Басильяно под ним убито три лошади. При штурме Альт-Дорфа Милорадович прошел впереди колонн по зажженному мосту и т. д.

Год, проведенный Милорадовичем под начальством Суворова, был лучшею для него школою: в ней развилось его действительное призвание, в ней усвоил он ту удачу, ту предприимчивость, то замечательное умение привязать к себе солдат, которые впоследствии так далеко выдвинули его из ряда современных русских генералов. С этого времени Милорадович вдруг становится популярным и в армии и в народе.

Император Павел щедро наградил Милорадовича за итальянскую кампанию: он дал ему орден святой Анны первого класса, пожаловал его командором ордена святого Иоанна Иерусалимского с присвоением ему при последнем пожаловании по тысяче рублей ежегодного дохода и наградил вдобавок орденом Александра Невского и проч.

Император австрийский и король сардинский, со своей стороны, спешили выразить свою признательность Милорадовичу; первый подарил ему осыпанную алмазами табакерку, а второй дал орден Маврикия и Лазаря большого креста.

В этом же походе Милорадович приобрел особое расположение и дружбу великого князя Константина Павловича, который вступил даже с ним в переписку и в своих письмах постоянно благодарит Милорадовича за его службу.

Когда русская армия, предводимая Кутузовым, вступила в 1805 году в Австрию на помощь беспрестанно побиваемым французами австрийцам, Милорадович командовал в этом походе бригадою, и первое сражение, в котором он принял самое живое участие, было при Амштете (24 октября); вслед за ним у города Кремса отряд, вверенный Милорадовичу, дрался целый день. Бой кончился полным поражением французов. Милорадович получил чин генерал-лейтенанта и орден св. Георгия 3 класса. (Ему было тогда тридцать пять лет.)

1806 год застаёт Милорадовича на другом театре военных действий. 16 ноября этого года он переправляется во главе вверенного ему корпуса через Днестр, быстро проходит Молдавию и Валахию и двумя победами над турками – 11 декабря при селении Глодиани и 13 числа того же месяца при городе Бухаресте – спасает Валахию от разорения. Затем опять идет ряд побед.

В статье г. Семевского приведены выдержки из различных писем Милорадовича. Мы не приводим их, отсылая читателей, которые заинтересуются этим, к самой статье. С нас достаточно сказать, что, судя по этой корреспонденции, действительно надо верить, что образованность героя сильно прихрамывала. Но зато из всех его писем нельзя не вывести самых приятных заключений о его отношениях к начальникам, сослуживцам и подчиненным, хотя, впрочем, в тоне его писем к Аракчееву, однако, проглядывает изрядная доля приниженности перед всесильным временщиком. «Невозможно же против рожна прати».

В начале 1810 года Милорадович должен был оставить театр военных действий на Дунае: он получил назначение командовать армиею, собиравшеюся близ Могилева на Днестре, а вслед за тем, в апреле того же года, по высочайшему повелению была ему поручена должность киевского военного губернатора.

В скором времени в жизни Милорадовича произошло какое-то особенное обстоятельство, о котором умалчивает большая часть его биографов, но о котором есть строка в его формуляре: в сентябре 1810 года Милорадович был уволен по прошению от службы... Но дело скоро уладилось, и уже 20 ноября того же года он опять был принят на службу, а в декабре назначен киевским военным губернатором.

Наступил 1812 год. Император Александр дал Милорадовичу несколько важных поручений, и все эти поручения были им исполнены с обычной расторопностью. Пятнадцатитысячное войско было соединено под его начальством и приняло деятельное участие в Бородинском сражении. Милорадович предводительствовал здесь правым крылом и центром армии. С этого времени опять начинается длинный ряд доблестных подвигов Милорадовича. Отныне он вместе с другими сподвижниками Кутузова, в том числе и Ермоловым, становится кумиром солдат и вполне народным русским героем. Милорадович прикрывал отступление Кутузова от Москвы до Тарутина, в сражении под Тарутиным он командовал всею кавалериею, а затем участвовал в сражении под Малым Ярославцем. Когда же французская армия, отброшенная назад, бежала по большой смоленской дороге, Милорадович был одним из неутомимейших ее преследователей (что, если верить рассказам, будто бы сильно не одобрялось Кутузовым).

Затем в 1818 году мы видим Милорадовича начальником столицы. На этом новом поприще Милорадович сохранил всю свою популярность. Его особенно любили за доброту и сострадание. Он охотно являлся ходатаем за множество лиц, беспрестанно обращавшихся к нему. Доброта и благородная деликатность поставляемы ему были даже в упрек некоторыми лицами собственно по отношению к деятельности его как генерал-губернатора. Столица, как известно, кишела в годы его управления обществами, комитетами, управами, союзами, ложами, сплошь да рядом официально не разрешенными и даже запрещенными. Но Милорадович, полный доверчивости к людям, полный доброты и благородства, с омерзением презирал всякое шпионство, гнал от себя фискальство и не хотел поощрять сыщиков. Он не желал преследовать слова, мысли и намерения, доколе они не проявлялись в явных нарушениях закона.

Гнушаясь такими охранительными мерами, которые не обходятся без помощи шпионства, генерал-губернатор Милорадович был неутомим в тех случаях, когда явная опасность, наступавшая для вверенной его управлению столицы, требовала от него предприимчивости и смелости... Энергический человек пробуждался в нем на пожарах, куда он являлся всегда, а еще более отличился он в страшном несчастии, постигшем Петербург 7 ноября 1824 года при наводнении.

Одною из особенностей характера графа Милорадовича была необыкновенная расточительность: он всегда был в долгу как в шелку, и ни большое содержание, которое он получал, ни аренды, назначаемые ему от государя, – ничто не могло выпутать его из его бесконечных долгов.

Родовое имущество его было сравнительно с его расходами довольно ничтожно: оно состояло из имения в Полтавской губернии, в котором было до полуторы тысячи душ крестьян. Часть этого имения он продал в удельное ведомство для уплаты долгов и стал подумывать об устройстве остальной части, рассчитывая под старость удалиться в деревню на покой. Но судьба решила иначе...

Передаем целиком рассказ о драматической смерти Милорадовича, как он стоит у г. Семева.

Дело идет о событии, которое известно в обществе под именем декабристского бунта при восшествии на престол императора Николая I.

Около полудня, в понедельник, 14 декабря 1825 года, Милорадович мчался в санях с адъютантом своим, Башуцким, на Сенатскую площадь, где впереди монумента Петра I стояло каре из нескольких рот л. – гв. Московского полка и некоторых других

Популярные русские люди. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru полков, увлеченных своими офицерами. Громадные толпы народа загрохотали значительную часть площади. Милорадович обскакал чрез Синий мост по Мойке на Пецелуев мост и здесь встретился с генерал-майором Алексеем Федоровичем Орловым, по распоряжению которого в это время выезжала из казарм конная гвардия.

– Пойдемте вместе убеждать мятежников, – сказал Милорадович Орлову (разговор был на французском языке).

– Я только что оттуда, – отвечал Орлов, – но советую вам, граф, туда не ходить. Этим людям необходимо совершить преступление; не доставляйте им к тому случая. Что же касается меня, то я не могу и не должен за вами следовать: мое место при полку, которым команду и который я должен привести, по приказанию, к императору.

– Что это за генерал-губернатор, который не сумеет пролить свою кровь, когда кровь должна быть пролита! – вскричал Милорадович и, сев на лошадь, взятую им у одного из офицеров конной гвардии, поехал на площадь. Его сопровождал пешком Башуцкий. С трудом пробравшись сквозь толпы народа, Милорадович близко подъехал к каре и стал убеждать солдат образумиться. Вдруг смелая и громкая речь генерала была прервана пистолетным выстрелом...

Стоявший впереди каре в группе офицеров отставной поручик л. – гв. гренадерского полка Каховский выхватил у находившегося подле него штабс-капитана л. – гв. Московского полка Михаила Бестужева пистолет и выстрелил Милорадовичу в бок.

– Сумасшедший, что ты делаешь! – закричал Бестужев, бросаясь на Каховского. Пистолет был отнят, но поздно. Милорадович упал с лошади на руки Башуцкого, который с помощью двух человек из толпившегося простонародья отнес его в манеж конно-гвардейского полка... Сюда скоро явился постоянный доктор Милорадовича, сопутствовавший ему во многих походах, Василий Буташевич-Петрашевский. Он вынул пулю, но смерть была неизбежна.

В три часа ночи на 15 декабря 1825 года графа Милорадовича не стало.

II. АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ЕРМОЛОВ

Биографический очерк

Недавно, представляя нашим читателям биографический очерк графа Милорадовича, мы обещали вслед за ним напечатать очерк другого известнейшего и популярнейшего лица, генерала Алексея Петровича Ермолова. Исполняем это обещание, заимствуя почти все наши сведения из интереснейшей статьи г. Дубровина, помещенной в ноябрьской книжке «Военного сборника».

Ермолов, как и современник его Милорадович, с которым он был почти одних лет, отличался необыкновенною храбростью, добротой, простотой и ласковостью в обращении с подчиненными и был таким же кумиром солдат и любимым народным героем; но по уму, способностям и развитию Ермолов стоит неизмеримо выше Милорадовича.

Ермолов, как и Милорадович, был образован очень поверхностно, но и в этом между ними двумя очень большая разница. Милорадовичу были даны все средства образованию, – мы видели, что он провел юность в заграничных университетах; но он сам не воспользовался этими средствами, да и вообще, как кажется, не особенно сознавал недостаток своего образования; Ермолов же был почти совсем лишен всех средств образовывать себя и всю жизнь тяжело сознавал этот недостаток и тяготился им бесконечно.

Оба героя, и Милорадович и Ермолов, симпатичны каждый по-своему; но Ермолов гораздо глубже и серьезнее. Симпатии, возбуждаемые его характером, гораздо солидней симпатий, порождаемых романтически-рыцарственным Милорадовичем. Алексей

Популярные русские люди. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru Петрович Ермолов особенно привлекателен оригинальностью и глубиной своего ума, широтой своего взгляда и меткостью суждений, указывавших в нем человека совсем не дюжинного – человека, отмеченного самою природою, человека, которого умный Кутузов справедливо называл орлом, а лейб-медик Виллие характеризовал, как «homme aux grands moyens». [1]

Служебный путь Ермолова далеко не был усыпан розами, но на нем, наоборот, было набросано много терний. Служебным его неудачам немало способствовало, его несомненное превосходство, которого никогда не сносит окружающая посредственность, а частию Ермолову вредил много его злой и как бритва острый язык, которым крутой генерал беспощадно казнил смешные и слабые стороны своих недоброжелателей.

Алексей Петрович Ермолов родился в Москве 24 мая 1777 года.

Отец его был небогатый помещик Орловской губернии, где и служил, между прочим, председателем гражданской палаты, а в последние годы царствования императрицы Екатерины II управлял канцеляриею графа Самойлова.

Мать Алексея Петровича, Мария Денисовна Давыдова, родная тетка известного партизана и поэта Давыдова, была в первом браке за Каховским, и от этого брака у нее был сын Александр. Оба ее сына как бы с самым материнским молоком всосали способность не мириться ни с чем низменным по натуре. Мать Алексея Петровича, по выражению одного близкого ее знакомого, «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в служебном мире».

Первоеначальным учителем А. П. Ермолова был их же крепостной дворовый человек, по имени Алексей, который по букварю и с знаменитою указкою учил грамоте о великого полководца.

Отец Ермолова был слишком занят службою, чтобы заниматься сыном; сведущего учителя, которые были тогда и редки и дороги, он не мог ему нанять по недостатку средств, а потому и поместил его сначала в семейство своего родственника, орловского же помещика Щербина, а потом в дом Левина. Отечественные же заботы о воспитании сына ограничивались тем, что он с малолетства твердил ему о необходимости усердной и ревностной службы.

Неопределенность положения Алексея Петровича в семье его родственников заставила отца его отправить сына в Москву, в университетский благородный пансион, где он и был сдан на руки профессору Ивану Андреевичу Гейму.

Образование, стоявшее в то время вообще на низкой ступени, в последние годы царствования Екатерины приняло еще более ложное направление от нашествия в Россию иностранцев, и в особенности французов. Из всех преподавателей не много таких, которых нельзя было, по всей справедливости, назвать шарлатанами или невеждами.

– Бедное состояние семьи моей, – говаривал Ермолов, – не допустило дать мне нужное образование. Вознаградить впоследствии недостатка знаний не было времени. (Хотя, добавим от себя, Алексей Петрович Ермолов читал очень много и обладал начитанностию довольно замечательною.)

– Шарлатаны, – говаривал он также, – учили взрослых, выдавая себя за жрецов мистических таинств; невежды учили детей, и все достигали цели, то есть скоро добывали деньги. Между учителями были такие, которые, стоя перед картою Европы, говорили: Paris, capitale de la France... cherchez, mes enfans! [2] – потому что сам наставник не сумел бы сразу ткнуть пальцем в свой Париж.

Когда по окончании курса учения пятнадцатилетний Ермолов явился в Петербург в чине сержанта Преображенского полка, то, поступив на действительную службу, он по недостатку денег не в силах был тянуться за прочими гвардейскими офицерами, державшими и экипажи и огромное число прислуги, а потому стал искать для себя другого рода службы. 1 января 1791 года Ермолов был выпущен капитаном в Нижегородский драгунский полк, слава которого впоследствии гремела на Кавказе в течение целого полувека. Ермолов тотчас же отправился в Молдавию, где стоял тогда этот полк. Командиром полка в то время был двадцатилетний племянник шефа полка, графа Самойлова, Н. Н. Раевский, прославившийся впоследствии в войну 1812 года.

В бытность свою в этом полку Алексей Петров познакомился несколько с артиллерией. При полке находились полковые пушки, имевшие, как у дяди юного Гамлета, одно специальное назначение, стрелять «в знак осушения бокалов». Раевский возымел мысль дать им более целесообразное назначение: он переделал лафеты и переменял расчет прислуги. За всем этим Ермолов тщательно следил и приспособлялся, но едва только стал привыкать к фронтовой службе, как вдруг был вызван опять в Петербург по случаю назначения его адъютантом к графу Самойлову.

В Петербурге молодой и красивый адъютант встретил радушный прием. Наружность Алексея Петровича, прекрасная, одухотворенная, внушительная и до самых преклонных дней его старости удерживавшая на себе внимание мужчин и женщин, тогда, в пору его расцвета, привлекала на него всеобщее внимание: он был высокого роста и отличался необыкновенною физическою силою и крепким здоровьем. Его большая голова, с лежащими в красивом беспорядке волосами, маленькие, но пронзительные и быстрые глаза делали его похожим на льва. Взгляд его, в особенности во время гнева, был просто страшен: из глаз его буквально сверкали молнии. Горцы говорили впоследствии о Ермолове: «Горы дрожат от его гнева, а взор его поражает на месте, как молния».

Как человек домашний у графа Самойлова, Алексей Петрович был членом высшего петербургского общества и каждое утро слышал самые откровенные и бесцеремонные отзывы, как нынче говорят, «высокопоставленных лиц», которые по вечерам наполняли зал у Самойлова и которых там, словно всерьез, просили «принять дань якобы подобающего им глубочайшего почтения». Шестнадцатилетний юноша присматривался не только к тем, которых осмеивали заочно, но и к тем, кто осмеивал их, и по врожденной ему пронзительности угадывал все нравственное ничтожество среды, в которой вращался. Прошло очень немного времени, и Алексей Петрович стал открыто относиться к этим людям с едким сарказмом, ирониею и насмешками, что, разумеется, очень скоро наплодило ему врагов. Алексей Петрович Ермолов терпеть не мог немцев и, по-видимому, беззлобно, но непереносно проходил на их счет, где только к тому представлялся хоть малейший повод. Остроты, которыми Алексей Петрович осыпал немцев, переходили из уст в уста и, конечно, многим не нравились, а «немец немцу, по пословице, всюду весть подавал», и покойный Ермолов под старость не раз говорил шутя: «Нет, господа русские, если хотите чего-нибудь достичь, то наперед всего проситесь в немцы».

Ермолов не мог увлекаться светскою жизнью; он беспрестанно занимался военными науками и назойливо просил графа Самойлова зачислить от его в артиллерию что, наконец, и было исполнено.

Восстание в Польше оторвало Алексея Петровича от его научных занятий: он участвовал в этой кампании получил орден св. Георгия за штурм Праги.

В следующем году он был отправлен за границу в Италию, где, будучи прикомандирован к главной квартире австрийского главнокомандующего, участвовал в войне австрийцев с французами. Едва только он успел вернуться в Россию, как в 1796 году принял участие в новом походе персидском, под предводительством графа Валерьяна Зубова.

Начавши службу так удачно, Алексей Петрович с шестнадцати лет приобрел самостоятельность и репутацию, которые сулили ему блестящую будущность. Но судьба неожиданно подставила ему ногу.

Смоленский губернатор сделал донос на Каховского брата Алексея Петровича по матери. Тот был взят по этому доносу под арест, а вместе с ним был арестован и Ермолов: его взяли и отвезли в Калугу.

Но чуть только Ермолов явился в Калугу к губернатору, ему было объявлено всемилоостивейшее прощение государя и возвращена шпага. Тем не менее, однако, Ермолов счел себя всем этим крайне оскорбленным и требовал от генерала Линденера объяснений, которых тот ему, разумеется, не дал, но зато тотчас же секретно донес о нем как «о человеке неблагонадежном», Последствием этого нового доноса было то, что за Ермоловым в Калугу был прислан из Петербурга курьер, который и отвез его прямым трактом в Петропавловскую крепость, где Ермолов потомился под стражею, а затем он был сослан в Кострому.

Там он нашел другого изгнанника, Платова, впоследствии графа и атамана Войска Донского.

В ссылке Ермолов пробыл целые три года, и это время далось ему не легко. Он был исключен из служб и потерял из виду всех родных и брата своего, Каховского. Знакомые и приятели за немногими исключениями отrekliсь от него и даже не отвечали на его письма. Таков свет, таковы люди!

Сильный волею, энергический Ермолов, однако, не пал духом от всех этих передряг. От нечего делать он принялся за изучение латинского языка у протоиерея Груздева, читал и переводил Юлия Цезаря и, кроме того, стал учиться играть на кларнете. По восшествии на престол императора Александра I он был освобожден вместе со всеми лицами, замешанными в деле Каховского. Тогда Ермолов приехал в Петербург, но там уже выступили на сцену новые лица и новые интересы, среди которых он был чужим на пиру. Генерал Ламб, президент военной коллегии, впрочем, взялся по старому знакомству похлопотать об Ермолове.

После долгих хлопот и не прежде, чем, по выражению Ермолова, «он наскучил всему миру секретарей и писцов», являясь ежедневно в военную коллегию, Ермолов был принят тем же чином на службу в 8-й артиллерийский полк и получил роту, квартировавшую в Вильне.

Время, проведенное Алексеем Петровичем в ссылке, отразилось навсегда на его характере неизгладимыми чертами. Он стал сосредоточен, задумчив и полюбил уединение.

«Я редко или почти никогда весел не бываю, сижу один дома, – писал он одному из своих друзей. – Я сыскал себе славного учителя на кларнете и страшно надуваю, и по-латыне упражняюсь.»

кроме того аресты и ссылка развили в нем мнительность, и всякая безделица беспокоила его и заставляла страшиться новых неприятностей в том же знакомом роде. Вот один интересный случай, который рассказывает г. Дубровин. Один из офицеров Алексея Петровича проиграл 600 рублей казенных денег. Ермолов тотчас же арестовал его, взыскал деньги с выигравших и, уступив просьбам, а главное, «избегая случая сделать человеку несчастье, сам собою испытавши, сколько тягостно переносить оно», согласился скрыть это дело и не доносить начальству о проступке офицера. По частному письму его к начальству офицер был переведен по неспособности в Кизлярскую гарнизонную роту. Офицер обиделся за то, что его признали неспособным, и решил лучше во всем признаться. Ермолов страшно встревожился; ему мерещились всяческие беды за сокрытие преступления

Популярные русские люди. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru подчиненного, и он не прежде успокоился, как тогда, когда офицер согласился не поднимать этого дела и ехать в Кизлярский гарнизон.

«Страшно боюсь я хлопот, – писал он по этому поводу к своему другу, – трехлетнее несчастье сделало меня робким».

Отсталое и почти запечатное положение по службе ужасно тяготило Ермолова. Благодаря всему с ним случившемуся прежние товарищи обогнали его в чинах, а ему приходилось прозябать в неизвестности и относительном бездействии.

Не имея ничего определенного в виду, он бросался из стороны в сторону: то хотел перейти в инженеры и сопровождать генерала Анрепа на Ионические острова, то хлопотал о переводе в казаки. (Тогда же, вероятно, ему пришла и комическая мысль «проситься и в немцы», но тогда ему бы то не до шуток, к которым он нисходил порою в веселые минуты в старости.) Словом, Ермолов просил отправить его куда-нибудь, выискать для него какой-нибудь подвиг, а не то, писал он, «завалешься полуполковником; русская пословица: не все хлыстом, иногда и свистом – вот мое правило с давнего уже времени».

Война 1812 года выдвинула Ермолова вперед. Еще в 1806–1807 годах Алексей Петрович составил себе известность храброго и замечательного офицера. Он, как говорят, создал артиллерийский строевой устав. Каждое действие Алексея Петровича в бою становилось потом тактическим правилом для артиллерии; он дал ей практические правила построения батарей. Солдаты, смотря на роту Ермолова, выезжавшую на позицию, и на храброго ее командира, бывшего всегда впереди, говаривали: «Напрасно француз порет горячку, Ермолов за себя постоит». Ермолов стал любимцем войска, кумиром офицеров и рыцарем без страха и упрека для народа, несмотря на то, что начальство, за исключением Кутузова, большею частью неблагоприятно и несправедливо относилось к нему, как будто не замечало его подвигов, и до такой степени умалчивало о них в реляциях, что отец Ермолова, к которому обратился один из почитателей его сына с просьбою выслать его портрет, прославляя его как любимого народного героя, отвечал: «Подвигов героя вашего не видал я ни разу ни в реляциях, ни в газетах, которые наполнены генералами Винценгероде, Тетенборном, Бенкендорфом и пр. и пр.».

Начальство не любило Ермолова за независимый, гордый характер, за резкость, с которою он высказывал свои мнения: чем выше было поставлено лицо, с которым приходилось иметь дело Ермолову, тем сношения его с ним были резче, а колкости ядовитее.

Известен ответ его Аракчееву на замечание последнего, что лошади его роты дурны:

«К сожалению, ваше сиятельство, участь наша часто зависит от скотов».

Когда Ермолов был еще полковником, то один из генералов сказал: «Хоть бы его скорее произвели в генералы, авось он тогда будет обходительнее и вежливее с нами».

Однажды во время кампании 1812 года Барклай-де-Толли приказал образовать легкий отряд. Ермолов назначил Шевича начальником отряда, в состав которого вошли казаки, бывшие под начальством генерала Краснова. Шевич оказался моложе Краснова. Платов, как атаман, вступился за своего подчиненного и просил Ермолова разъяснить ему: давно ли старшего отдают под команду младшего, и притом в чужие войска?

– О старшинстве Краснова я знаю не более вашего, – отвечал Ермолов, – потому что из вашей канцелярии еще не доставлен список этого генерала, недавно к нам переведенного из черноморского войска. Я, вместе с тем, должен заключить из слов

Популярные русские люди. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru ваших, что вы почитаете себя лишь союзниками русского государя, но никак не подданными его.

Казачи обиделись таким ответом, и правитель дел атамана продолжал возражать Ермолову.

– Оставь Ермолова в покое, – отвечал Платов, – ты его не знаешь: он в состоянии с нами сделать то, что приведет наших казаков в сокрушение, а меня в размышление.

Но, будучи резок и даже дерзок с высшими, Ермолов был обходителен и вежлив с низшими. Он умел ценить заслуги и до конца дней своих оставался лучшим ходатаем и защитником своих подчиненных. «Ты не худо делаешь, что иногда пишешь ко мне, ибо я о заслугах других всегда кричать умею», – писал он Денису Давыдову, и имел право говорить таким образом. Будучи еще подполковником и командуя ротой, Ермолов поминутно просил то за фельдфебеля, то за рядового, постоянно предлагал разные меры к улучшению их положения и, сознаваясь сам, что надоедает своими просьбами, все-таки слал письмо за письмом с просьбою то о том, то о другом из своих подчиненных.

Наскучив неблагоприятною службою, на которой все усердие его и все подвиги его никогда по заслугам не оценивались, Ермолов в ноябре 1815 года вышел отставку и, сдав в Познани свой корпус генерал-лейтенанту Паскевичу, отправился в Россию и поселился в Орловской губернии, в имении старика отца, считая свою службу оконченною. Но назначение его главнокомандующим на Кавказ, которым он был очень доволен, призвало его к новой деятельности, которая еще более прославила его имя, если только его можно было прославить более славно, чем оно было прославлено в нашем войске и в нашем народе, знающем и величающем Алексея Петровича Ермолова едва ли не более всех отечественных полководцев.

Славу его протрубили не пристрастные газеты, не репортажи, которые пишутся в главных квартирах и возвещают то, что желательно оповестить главной квартире, – славу его пронесли во всю Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь и в воду и после за мирным плетением лычных лаптей повешавшие «черному народу», как «с Ермоловым было и умирать красно».

Русская публика, без сомнения, будет очень благодарна г. Дубровину за его попытку воспроизвести некоторые черты из жизни недавно почившего истинного народного русского героя, и доказательством этой благодарности в настоящее время до некоторой степени может служить довольно общее внимание печати ко всему рассказанному о Ермолове г. Дубровиным. Но во всяком случае сказание это опять еще далеко не удовлетворяет бездну вопросов, поставленных русской любознательности многозначущею личностью Алексея Петровича и странною его судьбою, которую унаследовали за ним и некоторые другие, про которых где-то сказано стихами:

Послать туда таких-то,
Авось их там убьют!

За вскрытие материалов для биографии Алексея Петровича современные писатели берутся уже не в первый раз, но она, как видно, еще жжется... Печаталось нечто и вроде его записок; появлялись и воспоминания и материалы; и Л. Н. Толстой не прошел Ермолова молчанием в «Войне и мире» и представил его даже со стороны, не совсем привлекательной в его отношениях к Кутузову («старому человеку»), которому Ермолов посылал белой бумаги вместо донесения; пробовали даже выводить Ермолова и в романах под вымышленными именами. Так, еще при жизни Ермолова, в 1864 году, в одном из выходивших тогда романов, Алексей Петрович, как все узнали (и чего ныне не отрицает и сам автор), Ермолов был изображен под именем «полкового генерала Стрепетова», и там показаны некоторые его отношения к некоторым людям нового толка, а все-таки Алексея Петровича Ермолова в полном и ясно определенном образе все еще нет... «Беспримерный начальник и невозможнейший подчиненный» в нем уже кое-как намечены, но что именно делало этого человека

Популярные русские люди. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru таким и «хорошим, да неудобным», как о нем говорили, – это ждет талантливое разъяснение, для которого к тому же еще остается и совершенно нетронутой целая долгая полоса жизни Ермолова, полосу, которую он называл «московским сиденьем» и глядя на «Иерихонского» и других лиц, смущавших своими громкими карьерами тишину его предсмертного заката.

Алексей Петрович Ермолов поистине характернейший представитель весьма замечательного и не скудно распространенного у нас типа умных, сильных, даровитых и ревностных, но по некоторым чертам «неудобных» русских людей, и разъяснение его личности в связи со всеми касательствами к нему среды, в отпор которой он принимал ту или другую позицию, должно составить вполне глубокую и благодарную задачу и для историка-биографа и для критика. Тому-то, кто сумеет судить о Ермолове правильно и беспристрастно, предстоит завидная доля сказать многое, очень многое «старым людям на послушание, а молодым на поучение».

Впервые опубликовано в «Биржевых ведомостях», 1869 г., 3 декабря.

Примечания

1 Человека с большими возможностями (франц.).

2 Париж, столица Франции... ищите, дети мои! (франц.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!